

ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

PROBLEMS OF HISTORY OF RUSSIA

Научная статья

УДК 327; 94(47)

doi: 10.17223/19988613/96/1

Международные подходы к изучению российской мягкой силы: анализ современных исследований

Иван Павлович Грива

Томский государственный университет, Томск, Россия, Hryvaivan19@mail.ru

Аннотация. Обобщаются подходы зарубежных исследователей к изучению российской мягкой силы, акцентируется внимание на эволюции советских методов, цифровых технологиях, визуальных нарративах и управлении алгоритмами. Анализ выявляет как преемственность, так и новые формы дезинформации, адаптированные к современной медиасреде.

Ключевые слова: российская мягкая сила, цифровые медиа, визуальные нарративы, информационные операции, новые медиа

Для цитирования: Грива И.П. Международные подходы к изучению российской мягкой силы: анализ современных исследований // Вестник Томского государственного университета. История. 2025. № 96. С. 5–9. doi: 10.17223/19988613/96/1

Original article

International approaches to the study of Russian soft power: an analysis of modern research

Ivan P. Griva

Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, Hryvaivan19@mail.ru

Abstract. The topic of Russian propaganda holds a central place in the modern international academic discourse, particularly after 2014 and the onset of the Special Military Operation in 2022. At the same time, the Russian academic landscape still offers relatively few systematic studies focused on how Western researchers analyze the country's information strategies. Yet it is precisely in Western contexts where a stable narrative has emerged: Russian soft power is increasingly perceived not as a tool of public diplomacy, but as a threat to democratic order and information sovereignty. Contemporary Western scholars describe Russian propaganda as a complex, adaptive phenomenon combining the legacy of Soviet "active measures" with the technological capabilities of the digital age. Key areas of focus include visual narratives, algorithmic manipulation, and the use of platforms such as Telegram that allow a high degree of anonymity. Digital transformation is interpreted not as an auxiliary feature, but as a core element of Russia's strategic communication aimed at constructing an alternative worldview. Researchers highlight the continuity between Soviet-era influence techniques and current post-Soviet strategies. Practices such as discrediting opponents, staging leaks, using third-party dissemination (source laundering), and semantic reframing are still in use – adapted to the algorithmic logic of digital platforms. These tactics are difficult to detect and highly effective in the fragmented landscape of modern media consumption. Additionally, scholars point to the ideological layer of Russia's communication efforts, notably the rhetoric of "civilizational resistance," historical archetypes, and the use of mythologized symbols within the framework of "geopolitical mysticism." Analyzing Western academic literature on Russian propaganda is valuable not only for scholarly purposes, but also for practical insight. It helps to understand how Russian influence is perceived abroad, which techniques are seen as most vulnerable or effective, and what strategies might be employed in return. Such knowledge is crucial for developing resilient communication policies and for navigating the complex landscape of global narrative competition.

Keywords: Russian soft power, digital media, visual narratives, information operations, new media

For citation: Griva, I.P. (2025) International approaches to the study of Russian soft power: an analysis of modern research. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 96. pp. 5–9. doi: 10.17223/19988613/96/1

Актуальность темы обусловлена не только возрастающим интересом к информационно-психологическим операциям в контексте глобального противостояния нарративов, но и тем, что в отечественной научной литературе системный анализ западных интерпретаций российской пропаганды остается сравнительно редким. При этом именно в зарубежной академической среде, а также в среде политических оппонентов России формируется устойчивая рамка восприятия ее внешнеполитической и медийной активности. К выводам советологов и идеологических критиков СССР конца XX в. сегодня присоединяются современные аналитики, стремящиеся представить российское влияние как угрозу мировому порядку, используя для этого как научные инструменты, так и медиатехнологии. Изучение их оценок не только помогает понять структуру обвинительной аргументации, но и позволяет критически осмыслить те аспекты российской мягкой силы, которые воспринимаются за рубежом как наиболее эффективные. Это знание важно не столько для зеркального ответа, сколько для повышения устойчивости национального информационного пространства и формирования стратегически выверенной внешней коммуникации.

Российская пропаганда стала объектом пристального внимания международного научного сообщества, особенно после событий 2014 г. и начала специальной военной операции в 2022 г. Исследователи концентрируются на выявлении устойчивых черт, переходящих из советской эпохи, и на анализе инновационных инструментов, появившихся в цифровую эру. Наиболее актуальными стали сравнительные исследования, основанные на сопоставлении «традиционных» методов и новых форм воздействия мягкой силы на внутреннюю и внешнюю аудиторию, включая алгоритмические манипуляции и визуальные нарративы [1]. Одно из центральных направлений в изучении российской пропаганды (именно так называют мягкую силу иностранные исследователи) – исследование преемственности между советскими информационными операциями и современными российскими стратегиями воздействия. Как показывают Р. Горбик, Я. Примаченко, Д. Орлова, несмотря на трансформацию медиасреды, многие приемы, зафиксированные в методических пособиях КГБ времен холодной войны, сохранились и адаптировались к цифровой эпохе. В частности, «остаются актуальными такие элементы, как инсценированные утечки, фальсификация источников, дезинформация через подставные каналы, использование третьих сторон для “отмывки” информации (так называемый *source laundering*), а также широкое применение негатива и недостоверных сведений как главных характеристик российского стиля пропаганды» [1]. Исследователи пишут, что советская практика «активных мероприятий» (*active measures*), включавшая дезинформацию, агентуру влияния, публикацию подложных документов и манипуляции средствами массовой информации, в современной России трансформировалась в гибридную модель, сочетающую традиционные элементы с высокотехнологичными средствами. Примером этому служит кампания *Secondary Infektion*,

осуществлявшаяся через подставные аккаунты и площадки в западных странах с целью подрыва доверия к международным институтам и дискредитации Украины. Подобные информационные атаки сочетали тактику «разделяй и властвуй» с многоканальной подачей – от соцсетей до англоязычных псевдоаналитических платформ.

Анализ исторических источников, в том числе советских дипломатических документов 1920–1930-х гг., выявляет устойчивую структуру пропагандистских действий, основанных на создании образа внешнего врага, стратегической манипуляции национальными меньшинствами и попытках влияния на внутривнутриполитическую ситуацию в соседних государствах (например, в Польше и Румынии) через информационное давление. Современная российская пропаганда унаследовала от советской не только методы, но и идеологические принципы: борьбу за интерпретацию истории, легитимацию политических решений через культурно-исторические нарративы и жесткую вертикаль контроля над информацией. Однако постсоветская практика демонстрирует также новые элементы: коммерциализацию пропагандистской деятельности, участие частных подрядчиков (например, так называемой «фабрики троллей»), активное внедрение алгоритмов в дистрибуцию контента, а также использование псевдоакадемических структур и анонимных Telegram-каналов в качестве каналов влияния. Таким образом, наблюдается не столько разрыв, сколько эволюция инструментов – от централизованного советского подхода к децентрализованной, сетевой и адаптивной системе, отвечающей требованиям современной цифровой войны.

Особый интерес в изучении российской мягкой силы вызывает визуальная составляющая информационного воздействия, обладающая высокой степенью эмоционального влияния и психологической суггестии. Как отмечают У. Тайзен и соавт. [2], визуальные медиа – от мемов до инфографики – играют критически важную роль в формировании политических установок и восприятия конфликта. Их исследование, базирующееся на обработке данных более чем 900 аккаунтов российских военных блогеров в Telegram, продемонстрировало почти 9 000-процентный рост количества постов и более чем 5 000-процентный рост публикаций изображений в преддверии начала специальной военной операции на Украине [2]. Подобная активизация трактуется как преднамеренная информационно-психологическая подготовка аудитории к конфликту, пишут исследователи, где визуальные паттерны служат ключевым триггером коллективной мобилизации. Проанализированные изображения демонстрируют устойчивое использование трех типов визуального воздействия: 1) усиление чувства принадлежности и «внутригрупповой солидарности»; 2) дегуманизация противника (например, посредством образов нацистов, карателей, чудовищ); 3) создание когнитивной и эпистемологической неуверенности. Последний тип особенно важен, поскольку он способствует подрыву доверия к официальным источникам информации, создавая у аудитории ощущение, что «правды нет вовсе». Такие

изображения зачастую преподносятся в формате мемов или шаблонных коллажей, обладающих высокой степенью воспроизводимости и адаптивности. Российский визуальный контент тиражируется через Telegram, что особенно важно в условиях, когда другие платформы (в частности, запрещенная на территории РФ организация Meta) частично недоступны в России.

Эффективность визуальной российской пропаганды объясняется также особенностями восприятия изображений: визуальная информация требует меньше когнитивных усилий для обработки, чем текст, и быстрее вызывает эмоциональный отклик. В условиях современного медиапотребления, основанного на фрагментарности и скорости, это делает визуальные паттерны особенно результативными средствами манипуляции восприятием. Визуальные нарративы становятся не только иллюстрацией политического конфликта, но и активным инструментом формирования идентичностей и политических позиций.

Таким образом, визуальная составляющая российской мягкой силы, по оценке иностранных исследователей, – это не вспомогательный элемент, а центральная часть стратегической коммуникации, направленной на управление массовым сознанием в условиях конфликта.

Цифровая трансформация российской мягкой силы сопровождается активной адаптацией к алгоритмической логике платформ и поисковых систем, что свидетельствует о глубокой технологической эволюции методов информационного воздействия в России. Как показали Э.М. Уильямс и К.М. Карли, российская публичная дипломатия и связанные с ней структуры применяют комплексные стратегии управления результатами поисковых запросов, включая так называемые *link schemes* – сеть низкокачественных сайтов, массово генерирующих обратные ссылки на аналитические ресурсы российского толка [3]. Цель подобного влияния – обеспечить доминирование российского нарратива в результатах поисковых выдач по чувствительным ключевым словам: НАТО, «вторжение в Украину», «биолaborатории», «санкции против России» и др. При этом создаются экспертность и академический авторитет у ресурсов, имеющих реальную исследовательскую ценность. Такие сайты создаются для независимых аналитических центров и публикуют тексты на английском языке, ориентируясь на западную аудиторию. В ряде случаев исследователи зафиксировали пересечение ссылочных сетей с американскими и европейскими аналитическими сайтами, что затрудняет мгновенное выявление пророссийского происхождения контента. Хотя алгоритмы Google, согласно авторам исследования, частично распознают и ограничивают распространение таких доменов, эффективность этих контрмер остается неполной. Более того, аналогичные стратегии успешно реализуются в менее защищенных поисковых системах и через встроенные алгоритмы рекомендаций социальных платформ, особенно Telegram и VK. Таким образом, формируется параллельная инфраструктура информационного воздействия, способная подменять результаты поиска и влиять на контекст восприятия событий.

Алгоритмическое влияние с российской стороны дополняется тактикой семантической работы с понятиями: например, изменение терминов «армия РФ» на «миротворцы», «вторжение» на «операция», «террористы» на «ополченцы». Эти приемы не только устанавливают истину, но и обеспечивают устойчивость в цифровом ландшафте через адаптацию под правила платформ. В условиях увеличивающегося влияния алгоритмов на медиапотребление российская мягкая сила демонстрирует высокий уровень технологической гибкости, стратегически осваивая принципы SEO-оптимизации, автоматизированного контент-производства и цифрового позиционирования. Это превращает цифровую среду в поле постоянной конкуренции за внимание пользователя и контроль над интерпретацией действительности.

Отдельное внимание стоит уделить тому, как иностранные исследователи анализируют применение российской мягкой силы в социальной сети Telegram. Telegram занимает особое место в экосистеме современной российской мягкой силы как одна из немногих платформ, не ограниченных государственными запретами, обладающая высокой степенью анонимности, децентрализации и гибкости в распространении контента. В этих условиях российские прокремлевские акторы активно используют Telegram-каналы как канал политической коммуникации и мобилизации.

Исследования Н. Ванетика и соавт. [4] направлены на разработку инструментов выявления таких информационных операций с помощью методов машинного обучения и лингвистического анализа. Авторы предложили корпус сообщений в Telegram на русском языке, связанный со специальной военной операцией на Украине, и провели бинарную аннотацию постов с классификацией на влиятельные и нейтральные. С использованием методов глубокого обучения, в частности *fine-tuning* моделей на архитектуре BERT, были достигнуты показатели точности выше 96% при работе с подтвержденными источниками. Такой результат демонстрирует высокую эффективность применения NLP-инструментов для обнаружения латентных признаков пропаганды, включая использование эмоционально окрашенной лексики, упрощенных бинарных оппозиций («свои / чужие»), апелляций к страху, славе или исторической справедливости. Особое внимание в исследовании уделяется тематическому моделированию: анализируемые тексты классифицируются по типам риторических стратегий (например, демонизация врага, героизация армии, оправдание насилия). Такая сегментация позволяет точно отслеживать динамику пропагандистских тактик в зависимости от политического или военного контекста – от мобилизационных призывов до кампаний по разоблачению Запада или украинского руководства.

Важно отметить, что Telegram становится площадкой как для централизованно курируемых, так и для «ситуативно скоординированных» информационных кампаний. «Наличие обширной экосистемы анонимных и полуанонимных каналов, включая так называемые “сливные бачки”, создает благоприятную среду для распространения нарративов, которые трудно

напрямую отнести к государству, но которые повторяют стратегические интересы России», – пишут исследователи [4]. Это порождает вызов не только технического, но и правового характера, так как сложнее выстраивать регуляторные механизмы против контента с неясной институциональной принадлежностью. Таким образом, Telegram представляет собой гибридную медиаплатформу, где взаимодействуют государственные, квазигосударственные и частные информационные игроки. Исследования с применением ИИ-инструментов становятся ключом к распознаванию этой сложной архитектуры и вскрытию логики функционирования цифровой дипломатии.

Помимо технической стороны российской мягкой силы, исследователи уделяют внимание идеологической составляющей. Фундаментальным измерением современной российской мягкой силы является ее идеологическая основа, опирающаяся не только на политическую прагматику, но и на глубинные символические коды, мифологемы и архетипические образы. Одной из наиболее концептуально разработанных категорий в этом контексте выступает «геополитический мистицизм», предложенный В. Мосийчуком [5]. Под этим термином автор понимает использование сакрализованных исторических, культурных и метафизических элементов в целях легитимации политических решений, мобилизации масс и объяснения внешнеполитических действий. Центральным элементом этой концепции выступает евразийство – идеология, активно возрожденная в постсоветский период и особенно разработанная в работах Александра Дугина. Евразийство утверждает особую «цивилизационную миссию» России как центра самостоятельного, наднационального и антизападного мира. Согласно этой логике, Россия является не просто государством, а воплощает собой сакральный геополитический субъект, призванный спасти человечество от деградации либерального Запада. Такая идеологическая рамка позволяет формировать нарративы внешней политики как борьбы за высшие ценности, «цивилизационного сопротивления» или «культурной самобытности». Мосийчук подчеркивает, что в арсенале российской мягкой силы активно используются мифологические символы: от образов «Третьего Рима» до сакрализованных сюжетов о Великой Отечественной войне и «русском мире». Эти символы не только структурируют историческую память, но и вплетаются в современный политический дискурс. Пропаганда не просто информирует – она формирует реальность, где Россия изображается как «осажденная крепость», окруженная врагами, но несущая миссию возрождения мировой справедливости, считает исследователь [5]. Геополитический мистицизм предлагает не только образ врага, но и образ «святой войны», в которой участие оправдано не столько рациональными интересами, сколько «духовным предназначением». Кроме того, культурно-мифологические нарративы обеспечивают устойчивость пропагандистских конструкций в долгосрочной перспективе. Они воспроизводятся через образование, художественную литературу, кино и массовую культуру, тем самым превращаясь в глубинные коды коллективного сознания. Современ-

ные цифровые технологии позволяют усилить эти нарративы через визуальные медиа и алгоритмическое распространение, что делает геополитический мистицизм особенно эффективным инструментом в арсенале информационной войны.

Современные международные исследования российской мягкой силы представляют собой междисциплинарную область, охватывающую политологию, лингвистику, когнитивную психологию и цифровую аналитику. Российская мягкая сила рассматривается иностранными исследователями США, Британии, Польши как системный феномен, с высокой скоростью адаптирующийся к изменяющейся медиасреде, но сохраняющий неизменной свою цель – эффективное влияние на восприятие и поведение через стратегическое конструирование реальности.

Обобщая подходы зарубежных исследователей к изучению российской мягкой силы, можно прийти к следующим выводам:

1) преемственность советских и постсоветских пропагандистских практик является ключевым направлением исследований, демонстрируя сохранение и адаптацию классических приемов дезинформации, агентурного влияния и идеологического контроля в условиях цифровой медиасреды. Современная российская мягкая сила эволюционировала из централизованной модели в сетевую, децентрализованную и высокотехнологичную систему;

2) информационно-психологическое воздействие на аудиторию усилилось за счет активного использования визуальных паттернов, обладающих высокой эмоциональной суггестией. Визуальные нарративы, включая мемы, инфографику и образы героизации, становятся неотъемлемой частью стратегической коммуникации, способствуя формированию групповой идентичности и мобилизации общественного мнения;

3) алгоритмическая адаптация и манипуляция поисковыми системами и платформами представляют собой качественно новую форму цифрового воздействия. Использование тактик SEO-оптимизации, генерации ссылочных сетей и семантического подменивания терминов свидетельствует о высоком уровне технологической зрелости российской мягкой силы;

4) Telegram как инструмент децентрализованной мягкой силы занимает особое место в информационной экосистеме России. Исследования показывают, что платформу используют как для централизованных кампаний, так и для ситуативных сетевых операций, опирающихся на анонимные каналы. Применение методов NLP и машинного обучения позволяет выявлять ключевые риторические стратегии и динамику нарративов;

5) идеологическая составляющая российской мягкой силы формируется на основе сакрализованных и мифологических концептов, в частности «геополитического мистицизма». Евразийские идеи и нарративы «цивилизационного сопротивления» играют фундаментальную роль в легитимации внешнеполитической активности и обеспечивают устойчивость пропагандистского дискурса в долгосрочной перспективе;

6) цифровая трансформация российской мягкой силы демонстрирует не просто адаптацию к новым условиям,

а создание автономной инфраструктуры информационного воздействия. Эта инфраструктура сочетает когнитивные, технологические и символические ресурсы, направленные на формирование альтернативной картины мира, отличной от западных стандартов интерпретации;

7) междисциплинарный подход к изучению российской мягкой силы – с привлечением политологии, медиалингвистики, социологии, информационных тех-

нологий и визуальных исследований – оказывается необходимым для адекватного понимания её природы, функций и трансформаций в условиях глобального конфликта нарративов.

В заключение необходимо подчеркнуть, что для успешного противостояния с противником необходимо знать его представления об уровне нашего влияния для успешного противостояния с ним.

Список источников

1. Horbyk R., Prymachenko Y., Orlova D. The transformation of propaganda: The continuities and discontinuities of information operations, from Soviet to Russian active measures // *Nordic Journal of Media Studies*. 2023. Vol. 5 (1). P. 68–94. doi: 10.2478/njms-2023-0005
2. Theisen W., Yankoski M., Hook K., Verdeja E., Scheirer W., Weninger T. Visual narratives and political instability: A case study of visual media prior to the Russia-Ukraine conflict // *Information, Communication & Society*. 2025. Vol. 28 (4). P. 512–538. doi: 10.1080/1369118X.2025.2492577
3. Williams E.M., Carley K.M. Search engine manipulation to spread pro-Kremlin propaganda // *HKS Misinformation Review*. 2023. 16 Feb. URL: <https://misinforeview.hks.harvard.edu/article/search-engine-manipulation-to-spread-pro-kremlin-propaganda/> (accessed: 01.05.2025).
4. Vanetik N., Litvak M., Reviakin E., Tyamanova M. Propaganda Detection in Russian Telegram Posts in the Scope of the Russian Invasion of Ukraine // *Proceedings of the 14th International Conference on Recent Advances in Natural Language Processing (RANLP 2023)*, Varna, Bulgaria, 4–6 Sep. 2023. P. 1162–1170. doi: 10.26615/978-954-452-092-2_123
5. Mosichuk V. Geopolitical Mysticism as Ideological Basis of Geopolitical Russian Propaganda // *SSRN*. 2023. URL: <https://ssrn.com/abstract=4428458> (accessed: 01.05.2025).

References

1. Horbyk, R., Prymachenko, Y. & Orlova, D. (2023) The transformation of propaganda: The continuities and discontinuities of information operations, from Soviet to Russian active measures. *Nordic Journal of Media Studies*. 5(1). pp. 68–94. DOI: 10.2478/njms-2023-0005
2. Theisen, W., Yankoski, M., Hook, K., Verdeja, E., Scheirer, W. & Weninger, T. (2025) Visual narratives and political instability: A case study of visual media prior to the Russia-Ukraine conflict. *Information, Communication & Society*. 28(4). pp. 512–538. DOI: 10.1080/1369118X.2025.2492577
3. Williams, E.M. & Carley, K.M. (2023) Search engine manipulation to spread pro-Kremlin propaganda. *HKS Misinformation Review*. 16th February. [Online] Available from: <https://misinforeview.hks.harvard.edu/article/search-engine-manipulation-to-spread-pro-kremlin-propaganda/> (Accessed: 1st May 2025).
4. Vanetik, N., Litvak, M., Reviakin, E. & Tyamanova, M. (2023) Propaganda Detection in Russian Telegram Posts in the Scope of the Russian Invasion of Ukraine. *Proc. of the 14th International Conference on Recent Advances in Natural Language Processing (RANLP 2023)*. Varna, Bulgaria. September 4–6, 2023. pp. 1162–1170. DOI: 10.26615/978-954-452-092-2_123
5. Mosichuk, V. (2023) *Geopolitical Mysticism as Ideological Basis of Geopolitical Russian Propaganda*. [Online] Available from: <https://ssrn.com/abstract=4428458> (Accessed: 1st May 2025).

Сведения об авторе:

Грива Иван Павлович – аспирант факультета исторических и политических наук Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: Hryvaivan19@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Griva Ivan P. – PhD Graduate Student of the Faculty of Historical and Political Studies of Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: Hryvaivan19@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 15.05.2025; принята к публикации 01.08.2025

The article was submitted 15.05.2025; accepted for publication 01.08.2025